

УДК 159.922.1:37.018.1

**К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТНЫХ ДЕТЕРМИНАНТАХ РОДИТЕЛЬСТВА:
ОТЦОВСТВО И МАСКУЛИННОСТЬ**

Ю. В. Борисенко

**TO THE QUESTION OF PERSONALITY DETERMINANTS OF PARENTING:
FATHERING AND MASCULINITY**

Yu. V. Borisenko

Статья посвящена исследованию взаимосвязи отцовства и маскулинности. Рассматриваются возможности мужчин с различными типами маскулинности качественно реализовывать отцовские практики. Приводятся данные лонгитюдного исследования динамики оценки гендерных качеств супругами в период беременности, родов и новорожденности ребенка.

The paper analyzes the results of the fathering and masculinity study. The possibilities for men with different masculinity types to be a good father are described. The paper presents the data on the longitude survey of the dynamics of spouses' gender characteristics self-evaluation during pregnancy, childbirth and having a newborn baby.

Ключевые слова: отцовство, маскулинность, гендерная роль, период беременности, отцовские практики.

Keywords: fatherhood, masculinity, gender role, pregnancy, fathering.

Родительство является центральной проблемой целого цикла психологических, биологических и медицинских наук. Сегодня в условиях кризиса семьи как социального института вся система родительских ролей претерпевает серьезные изменения. Происходит преобразование супружеских ролей и, как следствие, моделей материнства и отцовства. Растет число детей, растущих в неполной семье, в подавляющем большинстве – это материнские семьи. Современный кризис отцовства во многом обусловлен противоречивыми и стереотипными представлениями о роли отца, смешением отцовских и материнских ролей, выполнением в силу различных обстоятельств женщиной отцовских функций. Это приводит к формированию вакуума в содержании отцовской роли. Мужчины – отцы, не участвующие в жизни ребенка, не имеют практических навыков и опыта общения с детьми, поэтому даже при желании общаться с собственным ребенком часто не делают этого, потому что «не умеют». Однако, по мнению исследователей [9], участие отца в воспитании необходимо для нормального формирования личности ребенка: его социализации, полоролевой идентификации, интеллектуального развития и формирования идентичности. Целый ряд современных социальных проблем связан именно с отстранением мужчин от воспитания молодого поколения. Это имеет и долгосрочные последствия: так как мужчины, выросшие без отцовского влияния, как показывают психологические исследования [15], испытывают сложности в формировании мужской модели ролевого поведения и серьезные трудности при налаживании отношений с собственным ребенком. Это не определяет качество отцовства, однако предполагает определенные усилия для основания данной роли от самого мужчины. В таких условиях мужчина-отец ориентируется на ожидания и представления об отцовской роли своей супруги, которая строит свои представления о том, что значит «быть настоящим мужчиной» и «быть настоящим отцом» исходя из

собственного детского опыта и образа, формируемого СМИ [2]. Этот образ зачастую является весьма противоречивым и объединяет черты гегемонной маскулинности (активность, социальная и финансовая успешность, физическая сила) и андрогинности (такие как эмоциональная экспрессивность по отношению к женщине и ребенку, эмпатия, умение поддержать и выслушать). В результате стремление соответствовать разноплановым противоречивым требованиям приводит к неуспеху, нежеланию и отстранению от общения с ребенком. Однако, по нашему мнению, так как отцовство является частью гендерной роли мужчины, которая не является чем-то унифицированным, а имеет многочисленные проявления и варианты поведения, то разным характеристикам маскулинности и проявлениям гендерной идентичности мужчины свойственны различные проявления отцовских практик, которые оказывают воздействие на развитие ребенка. То есть отцовская роль как кормилица семьи, отцовское поведение, внимание к ребенку, отцовские чувства, способы и экспрессивность их проявления не могут быть уложены в какую-то жесткую идеальную схему. Вариативность проявления мужского гендера находит свое проявление и в различных способах отцовского поведения, ролях и практиках, приемлемых для конкретного мужчины, и имеющих психологическую ценность для развития конкретного ребенка.

Современные исследования отцовства в основном рассматривают отцовство с двух взаимосвязанных позиций или направлений. Исследования в рамках первого направления говорят о значительном влиянии отца на развитие ребенка [13]. Рождение ребенка является вехой в развитии семьи и представляет собой стрессовую ситуацию для этой семьи. Важнейшим фактором нормального пренатального развития ребенка является благоприятная обстановка в семье, эмоциональный комфорт беременной женщины, и здесь, как показали исследования [7], оказалась важна эмоциональная поддержка мужа, благодаря которой

жене удавалось с наименьшими психологическими потерями преодолевать трудности этого периода. Таким образом, еще до рождения ребенка отец оказывает влияние на его развитие через обеспечение благоприятных условий. Позднее отец помогает развитию ребенка через игры. Игры с отцом, в отличие от игр матери, которая ухаживает за ребенком и дает ему чувство безопасности и тепла, помогают развитию моторики ребенка, освоению окружающего пространства, собственного тела, что является важным условием интеллектуального развития ребенка [12].

По мнению W. Fthenakis'a [11], взаимодействие с отцом положительно влияет на когнитивное развитие мальчиков. W. Fthenakis объясняет это тем, что отец дает пример практического и действенного решения различных проблемных ситуаций, пример мужского подхода к решению проблем, поэтому его влияние не так заметно на девочках. Идентификация с отцом является наиболее важным фактором усвоения моральных норм и социальных ролей, особенно мальчиками.

Кроме того, взаимоотношения с отцом влияют на формирование полоролевой идентичности. Важнейшими детерминантами полоролевой идентификации для мальчика являются: 1) доминантность отца; 2) забота отца.

Если отличительной чертой отношений отца и сына является забота и теплота, желание быть таким же «мужественным», как отец, значительно усиливает позитивное восприятие, усвоение мужского поведения и формирование адекватной полоролевой идентичности.

Феномен «патернальной депривации» характерен для многих детей, живущих со своими одинокими матерями. Если нет ни вспомогательного, ни уравновешивающего влияния отца, то значение личности матери становится намного большим, чем при нормальных обстоятельствах [4]. Важным является и отсутствие уверенности и устойчивости в социуме, так как профессия отца представляет обычно реальную и символическую базу экономического обеспечения семьи, а ее основательность является порукой уверенности. В то время как мать предоставляет ребенку возможность ощутить интимность человеческой любви, отец проторяет ребенку путь и отношение к человеческому обществу. Кроме того, отец представляет для детей наиболее естественный источник познаний о мире, труде, технике, способствуя как их ориентировке на будущую профессию, так и созданию социально полезных целей и идеалов. Если отца нет, то это имеет еще другое косвенное депривационное влияние [15]. Дело в том, что если матери одной приходится нести все экономические и воспитательные заботы о семье, то она, как правило, бывает настолько занятой, что у нее не остается для ребенка много времени и у нее ослабевает даже интерес к нему. Ребенок в таком случае предоставлен самому себе большую часть дня, может начать бродяжничать, у него больше возможностей для правонарушения.

Отец предоставляет модель мужественности ребенку, особенно мальчику, что особенно важно в подростковый период, который во многом является критическим для формирования стереотипа полоролевого поведения. И. С. Кон [4] описывает, что без такой модели продемонстрировать «мужское поведение» доста-

точно сложно, ведь начиная с детского сада, где все воспитатели – женщины; потом в школе и в вузе мальчик (юноша) встречает модель женского поведения в десятки раз чаще, чем мужского. Если у него нет примера такого поведения перед глазами для того, чтобы выстроить собственное поведение, он либо берет за образец поведение женщины – матери, бабушки, учительницы – и вырастает мягким и чувствительным, что считается «немужественным». Или считает, что поведение мужчины противоположно поведению женщины: если женщины его окружения выполняют социальные нормы, избегают вредных привычек – то мужчина должен поступать «наоборот». Такое понимание «мужского поведения» может привести к злоупотреблению алкоголем и наркотиками и даже к правонарушениям. Исследования детей растущих без отца показали, что такие дети менее успешны в решении конфликтных ситуаций, в решении когнитивных задач, мальчики имеют определенные сложности с половой идентификацией, вызванные сложностью разграничения гендерных ролей [4]. То есть значимость образца мужского поведения – будь то отец, даже дедушка или тренер спортивной секции – неоспорима.

Существует несколько подходов к анализу взаимосвязи и взаимовлияния отцовства и маскулинности [6]. Наиболее часто используется модель Дж. Плека, которая разграничивает отцовство как родительский статус от отцовских практик. Кроме того, в ней дифференцируется маскулинность как мужской гендерный статус и тип маскулинности конкретного мужчины [15]. Отцовский статус включает в себя наличие детей, их количество, воспитание биологических, приемных, усыновленных детей, детей жены или чужих детей (священник, учитель). Мужской гендерный статус связан с биологическими различиями полов, но определяется социально как статус мужчины в конкретном обществе, его функции, привилегии, обязанности. Тип маскулинности конкретного мужчины определяется его собственными личностными и социальными характеристиками и является конкретным (приемлем или неприемлемым) вариантом внутри всей группы мужчин данного общества. Отцовские практики – термин новый в отечественной психологической науке, соответствует термину «fathering» в английском языке в противовес термину «fatherhood», что обозначает статус и социальные характеристики отцовства. Отцовские практики определяются как операциональный компонент отцовства, особенности взаимодействия отца с собственным ребенком. Причем с определенными ребенком, если их несколько, поскольку взаимоотношения с конкретным ребенком обусловлены полом, возрастом ребенка, особенностями его развития и здоровья, а также ситуацией его рождения и отношениями с его матерью.

Дж. Плек предполагает, что связь маскулинности и отцовства можно оценить по 6 показателям:

- 1) гендерные различия в воспитании,
- 2) взаимосвязь между присутствием отца и развитием ребенка,
- 3) роль отцовской вовлеченности в жизнь ребенка в развитии личности ребенка,
- 4) влияния наличия детей на оценку своей маскулинности мужчиной,
- 5) уникальность вклада отца в развитие ребенка,

б) взаимосвязь между типом отцовской маскулинности, вовлеченностью отца и развитием личности ребенка.

Эти шесть тем по-разному представлены в литературе и исследованиях. Больше всего исследований посвящено роли отца в развитии ребенка. Иногда ис-

следователи, особенно американцы, все проблемы подростков сводят к отсутствию отца в семье.

Таким образом, взаимосвязь отцовства и маскулинности мужчины является многосторонней и специфически обусловленной (рис. 1).

Рис. 1. Взаимосвязь отцовства и маскулинности по Дж. Плеку [15]

Дж. Плек предполагает, что мужской гендерный статус обуславливает отцовские практики прямо и опосредованно через формирование понятия отцовства и возможный отцовский статус в обществе. Так, доминирование мужской гегемонности в обществе определяет социальный и сексуальный статус мужчины более свободно по отношению к любым женщинам и их детям, не являющимся прямыми наследниками данного мужчины. Он может по типу альфа-самца в животном мире не заботиться о них, не интересоваться вероятностью их появления в результате многочисленных связей. С другой стороны, количество детей может добавлять статуса мужчине, следовательно, в таком обществе мужчины признают и заботятся о всех своих детях. Таким образом, в таких культурах отцовство имеет ограниченный статус: либо ребенок признается, либо нет. Чем более демократично общество, тем больше различных вариантов статуса и, соответственно, отцовских практик оно предлагает мужчине: в современном западном обществе мужчина может юридически признавать ребенка и участвовать в его воспитании экономически и психологически, может признавать и участвовать только психологически, или только экономически, или совсем не участвовать [3]. Мужчина может быть признан отцом или отчимом приемного и не признан отцом своего ребенка и т. д.

Отцовские практики двояко связаны с отцовством и типом маскулинности мужчины. Сам факт принятия статуса отца определяет какие-то отцовские практики, принятые в данной среде, однако и взаимодействие с ребенком может изменить отношение к отцовскому статусу, например, через усыновление ребенка жены.

Отцовство как статус связано с типом маскулинности конкретного мужчины. А тип маскулинности и мужской гендерный статус влияют на то, каким образом будут взаимосвязаны статус отца и отцовские практики в данной среде. Хотя Р. Коннел [8] выделяет несколько типов маскулинности: гегемонная, сообщническая, подчиненная, маргинализирующаяся, чаще всего выделяют два типа маскулинности – гегемонную (фаллоцентрическую) и логоцентрическую. Представители первого типа очень активны, агрессивны, физически сильны, часто асоциальны, гиперсексуальны и не заботятся о собственных детях. Второй тип имеет высокий интеллект и такие характеристики, как настойчивость, заботливость, верность. Такие мужчины хорошо выполняют отцовские функции. Таким образом, тип маскулинности мужчины

определяет взаимодействие с ребенком и эмоциональную, операциональную и смысловую нагрузку этого общения. Но и само взаимодействие с ребенком, педагогическое совершенствование и реализация себя в нем тоже трансформируют представление о собственной маскулинности.

В реальности существует огромное многообразие вариантов проявления маскулинности, связанных с целой совокупностью личностных, поведенческих и социальных характеристик, которые включаются в гендерную идентичность мужчины. Таким образом, отцовство и отцовские практики, являющиеся производными гендерной идентичности, взаимосвязаны с особенностями маскулинности мужчины. Эти особенности и, возможно, тип маскулинности мужчины определяют отношение к отцовству мужчины. Само отцовство обычно исследуется с двух позиций [5]. С одной стороны, отцовство рассматривается как социальный институт, определяющий требования и ожидания общества по отношению к родительской роли мужчины. С другой стороны, отцовство проявляется в практической деятельности мужчины по воспитанию детей и уходу за ними, что описывается понятием *отцовские практики*, или стили воспитания [15]. Такая научная традиция объясняет характерное для отцовства различие между отцовством как родительским статусом и отцовством как родительским поведением и идентичностью. Большинство авторов считает, что именно рождение ребенка и взаимоотношения с ним дают мужчине шанс социализироваться самому, шанс саморазвития [10]. В древних культурах мужчина до рождения своего первого ребенка считался отроком [4]. Для мужчины – это проблема личностного развития, проблема принятия своих чувств и их самоконтроля. Подростающий ребенок становится продолжением мужчины, удовлетворяет потребность в ученике, в собственной значимости. В целом существует определенное количество качественных эмпирических исследований отцовства, в основном – узких направлений. В качестве теорий, дающих материал для исследования факторов оптимизации развития личности ребенка и мужчины, выросшего в условиях неполной семьи, выделяются:

а) теория жизненного пути (которая исследует, как мужской опыт отцовства изменяется в связи с различными периодами жизни);

б) социальная описательная теория (которая подчеркивает, что отцы усваивают культурные образцы и роли);

в) теория социальной идентичности (которая сосредотачивается на том, как мужчины воспринимают идентичность отца относительно их других социальных ролей).

В терминах Э. Эриксона отцовство повышает генеративность взрослых мужчин. Другие ученые применяли понятия экономических теорий для описания решения отца вносить свой вклад в жизнь ребенка или уйти из семьи [10].

Кроме того, большинство современных работ утверждает, что родительство не является просто личностным феноменом, оно во многом обусловлено супружескими отношениями [15; 7]. Эта идея не нова и для российских семейных психологов, однако в основном она постулируется в работах, основанных на практике семейной психотерапии. Теоретическое обоснование данного постулата дается в терминах системной семейной терапии. В американской традиции исследования отцовства выделяются работы [9; 14], в которых акцент смещается на роль женщины-матери как партнера мужчины-отца, во многом определяющего отцовское поведение последнего. W. Doherty, например, предлагает специально учить женщин «обучать» мужчин ответственному отцовству [9]. Дж. Плек доказывает, что вовлеченность отца в жизнь ребенка прямо взаимосвязана с вовлеченностью матери [14]. Дж. Плек высказывает идею о том, что собственная родительская идентичность может быть определена только в тесной взаимосвязи с оценкой своего партнера как родителя и с представлением об оценке себя как родителя в глазах супруга. При этом предполагается, что это одинаково значимо как для мужчин, так и для женщин. То есть отцовская идентичность тесно связана с оценкой своей жены как матери и с теми ожиданиями, которые она имеет по отношению к отцовскому поведению мужа. Эти идеи находятся в согласии с концепцией трансгенерационной передачи [7], где указывается, что климат в семье и отношение к детям передаются в семьях через поколения по женской линии. При этом, чем меньше отец принимает участия в жизни детей, тем большая ролевая нагрузка ложится на женщину, особенно в финансовом плане. Материнская идентичность также связана и с ожиданиями мужчины относительно материнского поведения супруги: вопросов возможности выбора и приоритета карьеры жены или воспитания детей. Таким образом, то, каким мужчиной является отцом, тесно связано:

1) с его прошлыми и настоящими взаимоотношениями с собственным отцом, который дает маскулинный образец (то есть модель ролевого поведения мужчины [15],

2) с настоящими взаимоотношениями с супругой, в отношениях с которой эта модель реализуется, оценивается и трансформируется.

Однако исследований, направленных на изучение особенностей формирования отцовства мужчин, выросших в различных условиях выполнения отцовских функций, патернальной депривации, конфликта между родителями, перенесших развод родителей, недостаточно. Мы полагаем, что чрезмерная жесткость, отсутствие или слабость мужской модели поведения у мужчины не ухудшает отношения с супругой и собственным ребенком, но осложняет процесс выстраива-

ния этих отношений. Кроме того, в зависимости от особенностей маскулинности мужчины выстраивают различные отношения с супругой и ребенком. Например, гипермаскулинные мужчины могут вообще не создавать семью, высокомаскулинные мужчины ориентированы на социальный успех, в большей степени способны реализовывать роль кормильца и персонификатора власти в семье, при этом не уделяя времени на общение с ребенком. Мужчины, выросшие без отца, в большей степени ориентируются на собственную супругу, чем на модель поведения своего отца, что может создавать дополнительное напряжение и в детско-родительских и в супружеских отношениях в семье такого мужчины. Андрогиные мужчины в большей степени способны уделять внимание внутреннему, эмоциональному состоянию ребенка. Каждый вариант проявления уровня маскулинности определяет выбор феминной/маскулинной супруги, специфику супружеских отношений и, как следствие, создает специфические условия для взаимодействия с ребенком. Таким образом, большая вариативность типов маскулинности мужчин создает пространство для проявления различных способов взаимодействия с ребенком, которые расставляют смысловые акценты на различных аспектах отцовских ролей и практик. Каждая из этих практик с учетом взаимодействия с супругой может быть признана ценной для развития личности ребенка. Это дает возможность мужчине с любым вариантом выраженности маскулинности при желании найти приемлемый вариант отцовских практик, потому что, на наш взгляд, определенные характеристики типа маскулинности мужчины очень тесно взаимосвязаны с отцовскими практиками, что находит свое подтверждение даже в трансгенерационных исследованиях [7].

Согласно К. Н. Белогой [1], в онтогенезе отцовства можно выделить три основных этапа: 1) стереотипное представление об отцовстве до беременности жены – теоретический этап; 2) изменение стереотипов в течение беременности партнерши; 3) собственно формирование чувства отцовства после рождения ребенка – практический этап.

В период ожидания ребенка и сразу после его рождения происходит ломка стереотипных представлений об отцовстве. Именно этот период можно назвать критическим с точки зрения становления отцовства. В это время начинают формироваться отцовские практики, остальные компоненты отцовства также претерпевают изменения: меняется статус мужчины, соответственно, меняется оценка собственной маскулинности.

Для определения особенностей оценки собственной маскулинности мужчины в период беременности жены и младенчества первого ребенка нами было разработано и проведено лонгитюдное эмпирическое исследование, в котором приняли участие 52 семейных пары на этапе планирования беременности, протекающей беременности и родов и первого года жизни ребенка. Исследование проводилось на базе ЖК № 1 г. Кемерово. Средний возраст мужчин – 29 лет, женщин – 25. Пары опрашивались по нескольким методикам на протяжении года. Всего было сделано пять проб. Первый срез на этапе планирования беременности, второй – в первом триместре беременности, тре-

тый – во втором триместре беременности, четвертый – перед родами, пятый – в месяц ребенка. В качестве контрольной группы выступили 46 семейных пар без детей.

В исследовании применялись следующие методики: опросник С. Бэм по изучению маскулинности-феминности, тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, методика Личностный Дифференциал (ЛД), а также некоторые вопросы анкеты, имеющие интервальную шкалу измерения. Отдельно изучались данные, полученные в экспериментальных и контрольных группах мужчин и женщин. Исследование проводилось с молодыми парами, ожидающими первого ребенка

Исследование уровне-вых характеристик выборки, состоявшей из 288 человек, показывает, что наибольший разброс наблюдается в данных анкеты, причем как для всей выборки, так и для обеих групп, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов. Данные, полученные с помощью методики СЖО, являются более однородными внутри выборки родителей, что свидетельствует о наличии определенной модели поведения. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных по шкалам находятся в рамках статистических норм данных методик, данные по опроснику СЖО являются высокой нормой, данные по методике ЛД соответствуют средним значениям норм. Проверка по критерию Фишера (при $\alpha = 0,05$) показала, что на начальном этапе дисперсии экспериментальной и контрольной групп различаются незначимо. Проверка по t-критерию Стьюдента не выявила значимых различий между экспериментальной и контрольной группами во время первого среза, а также попарно между всеми срезами контрольной группы.

Однако существуют значимые различия между показателями разных срезов в экспериментальной группе. По опроснику ЛД у мужчин значимые различия найдены по параметру «Активность» (рис. 2). Мужчины ниже оценивают свою активность во время первого и второго триместра беременности жены, активность повышается ближе к родам и слегка сни-

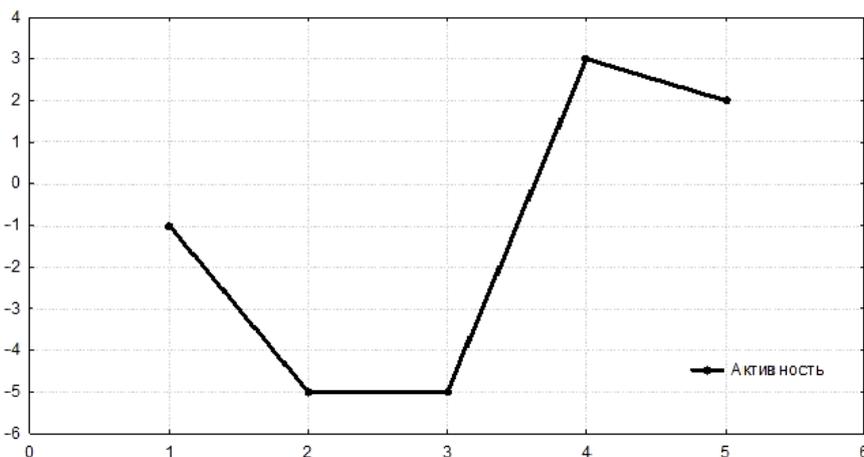
жается через месяц. Это обусловлено множественностью и новизной функций отца, связанных с подготовкой и принятием ребенка из роддома.

По методике СЖО значимые различия были найдены по следующим шкалам: Цели в жизни, Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни и Результативность жизни (рис. 3.)

Как видно из графика, все три параметра снижаются в первом и втором триместре беременности и затем устойчиво повышаются, особенно после родов, что соотносится с данными о том, что именно момент появления «видимых признаков беременности» – появление живота и шевеления ребенка – является сензитивным для осознания будущего отцовства. Это подтверждают данные по шкале общей осмысленности жизни (рис. 4).

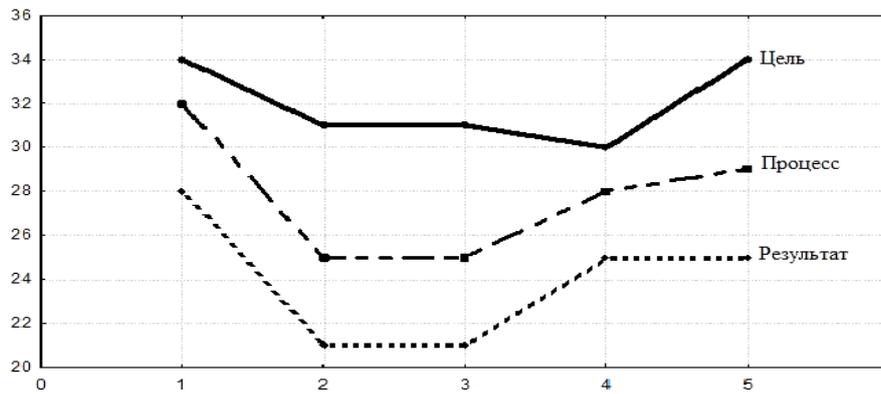
Однако самые интересные данные были получены при оценке собственной маскулинности мужчинами и женщинами. Супружеским парам была дана инструкция оценить себя и своего супруга (супругу) по параметрам маскулинности/феминности (МиФ С. Бэм). В результате была получена следующая динамика оценок (рис. 5).

Как видно из графика, в целом в исследуемый период жизни мужчины в среднем оценивают себя как маскулинных, а своих супругов как феминных. Женщины себя оценивают как андрогинных в период, предшествующий беременности, в остальное время они оценивают себя как феминных. Это связано с изменениями социального статуса, социальных оценок, планов на жизнь, и даже гормонального баланса организма. Мужчины оценивают свою жену в перинатальный период, как более женственную, чем она сама оценивает себя. При этом женщины оценивают мужчин как более маскулинных, по сравнению с собственной оценкой мужчины. Такие результаты могут быть связаны с особенностями перинатального периода в жизни этих пар, спецификой стадии жизненного цикла семьи. Данные, полученные до беременности, не противоречат остальным показателям, но здесь надо учитывать, что беременность уже планировалась. В динамике это выглядит следующим образом.

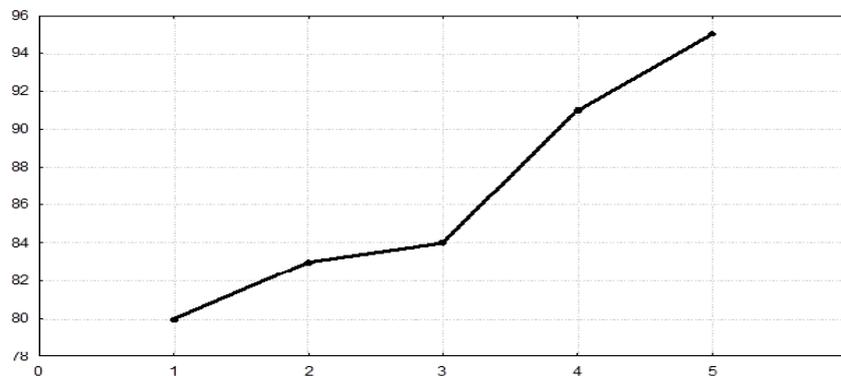
1 – до беременности, 2 – 1 триместр, 3 – 2 триместр, 4 – перед родами, 5 – 1 месяц ребенку

Рис. 2. Динамика параметра Активность в экспериментальной выборке

1 – до беременности, 2 – 1 триместр, 3 – 2 триместр, 4 – перед родами, 5 – 1 месяц ребенку

Рис. 3. Динамика шкалы СЖО в экспериментальной выборке

1 – до беременности, 2 – 1 триместр, 3 – 2 триместр, 4 – перед родами, 5 – 1 месяц ребенку

Рис. 4. Динамика шкалы *Общая осмысленность жизни (СЖО)* в экспериментальной выборке

1. Феминные качества и поведение женщины по оценке мужчин несколько понижаются в первом триместре, а затем возрастают до родов, особенно перед родами, и снова несколько снижаются после рождения ребенка. Это может быть связано с изменением поведения женщины-матери в первые дни после выписки из роддома, принятием новой роли, новой ответственности, большей доминантностью, большим контролем за происходящим в семье. При этом уровень оценки феминности после родов возвращается к тому, что был до беременности.

2. Женщины до беременности в среднем оценивают себя как андрогинных. Затем они начинают оценивать себя как более феминных на протяжении первого и второго триместров, особенно заметен рост феминности в первом триместре беременности – в период осознания, принятия факта беременности. В третьем триместре оценка своей феминности резко снижается – возможно в связи с переживаниями и страхами предстоящих родов и своей внешней «непривлекательности». После родов в период взаимодействия с младенцем оценка своей феминности резко повышается. Это обусловлено и социальными, и психологическими факторами, а также физическими (гормональная перестройка организма).

3. Маскулинные качества мужчины по его оценке повышаются в период осознания факта беременности. Надо, однако, учитывать, что во всех случаях бере-

менность была планируема. Затем остается на примерно том же уровне и повышается после рождения ребенка.

4. Женщины в оценке мужских качеств мужей на протяжении всей беременности согласны с динамикой их самооценки, но всегда оценивают их несколько более мужественными, чем мужчины оценивают сами себя. Однако после родов ситуация противоположная. Оценка маскулинности супруга женщиной резко падает. Возможно, это связано с пережитым опытом родов и новым статусом женщины.

5. Таким образом, оценка собственных гендерных качеств меняется в зависимости от периода жизни человека. В перинатальный период, когда наиболее выражены гендерные и половые различия, она во многом связана и с социальными оценками, и собственными личностными переживаниями этого периода как у мужчин, так и у женщин. Несомненно, переживание беременности супруги и первого опыта общения с ребенком, изменения статуса и трудности выстраивания отношений с новорожденным и его матерью оказывают влияние на оценку собственной маскулинности мужчиной, что ведет к появлению новых форм и моделей поведения. Сказанное выше определяет широкий круг вопросов для психологической практики: полученные в исследовании данные помогут выстроить систему работы с семьями, а также с будущими и настоящими отцами в целях осознания и

принятия особенностей своей гендерной роли и отцовских практик, а также с парами «отец-ребенок» в рамках муниципальных и частных медицинских и семейных психологических центров; могут быть ши-

роко использованы в программах профилактики девиантного отцовства, в программах по работе с молодежью в целом.

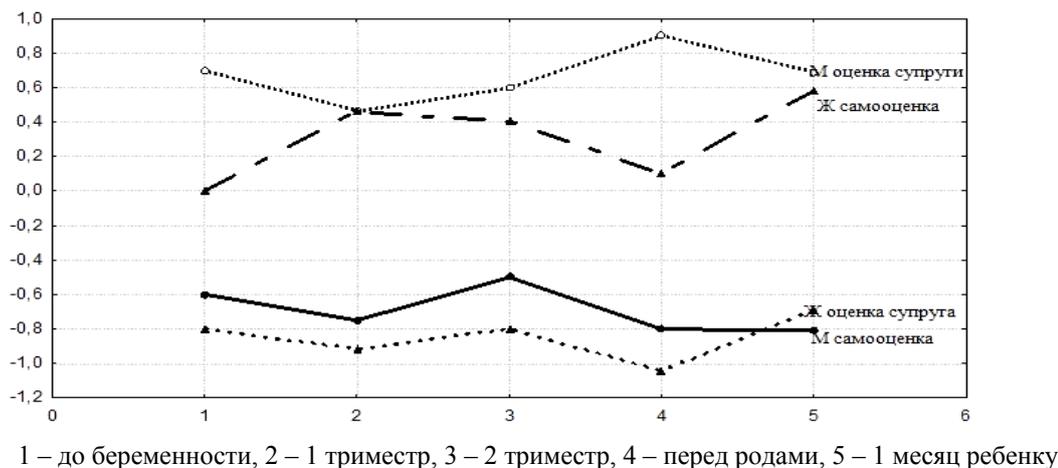

Рис. 5. Динамика оценки маскулинности/фемининности супругами экспериментальной группы

Литература

1. Белогай К. Н., Морозова И. С. Эмпирическое исследование структуры родительского отношения // Психологическая наука и образование. 2008. № 4. С. 12 – 23.
2. Борисенко Ю. В., Белогай К. Н. Специфика формирования отцовства как психологического феномена // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 102 – 108.
3. Борисенко Ю. В. Адаптация методики Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI) на русский язык // Вектор науки ТГУ. (Серия: Педагогика, психология). 2013. № 4(15). С. 34 – 37.
4. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
5. Морозова И. С., Борисенко Ю. В., Белогай К. Н., Отт Т. О. Технологии формирования конструктивной репродуктивной мотивации и профилактики абортного поведения молодежи: учебно-методическое пособие. Кемерово, 2014. 158 с.
6. Чикалова Е. А. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения // Женщина в российском обществе. 2012. № 2. С. 43 – 53.
7. Bouchard G. Intergenerational Transmission and Transition to Fatherhood: A Mediated-Moderation Model of Paternal Engagement // Journal of Family. 2012. Vol. 26. № 5. P. 747 – 755.
8. Connell R., Messerschmidt J. W. Hegemonic masculinity: rethinking the concept // Gender and Society, 2005. Vol. 19. № 6 P. 829 – 859.
9. Doherty W. J., Boss P. G., LaRossa R., Schumm W. R., Steinmetz S. K. Family theories and methods: A contextual approach // P. G. Boss, W J. Doherty, R. LaRossa, W. R. Schumm, S. K. Steinmetz Family theories and methods: A contextual approach. New York: Plenum Press, 1993.
10. Eggebeen D. J., Knoester C. Does fatherhood matter for men? // Journal of Marriage and Family, 2001. № 63. P. 381 – 393.
11. Fthenakis W. E. Väter, Band I, Zur Psychologie der Vater-Kind-Beziehung. München: Urban & Schwarzenberg, 1985.
12. Maurer T. W., Pleck J. H., Rane T. R. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics // Journal of Marriage and the Family. 2001. № 63. P. 309 – 321.
13. Parke R. D. Fathers and families. In M. H. Bornstein // Handbook of parenting. Mahwah, NJ: Laurence Erlbaum Associates, 2002. Vol. 3. P. 27 – 73.
14. Pleck J. H., Hofferth S. Mother involvement as an influence on father involvement with early adolescents // Fathering. 2008. № 6. P. 267 – 286.
15. Pleck J. H. Paternal involvement: revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes and paternal involvement: levels, sources, and consequences // Lamb M. E. The role of the father in child development (5th ed.). New York: Wiley, 2010. P. 58 – 93.

Информация об авторе:

Борисенко Юлия Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ, 8 (3842) 58-81-92, evseenkova@mail.ru.

Yuliya V. Borisenko – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of General Psychology and Psychology of Development, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.02.2015 г.